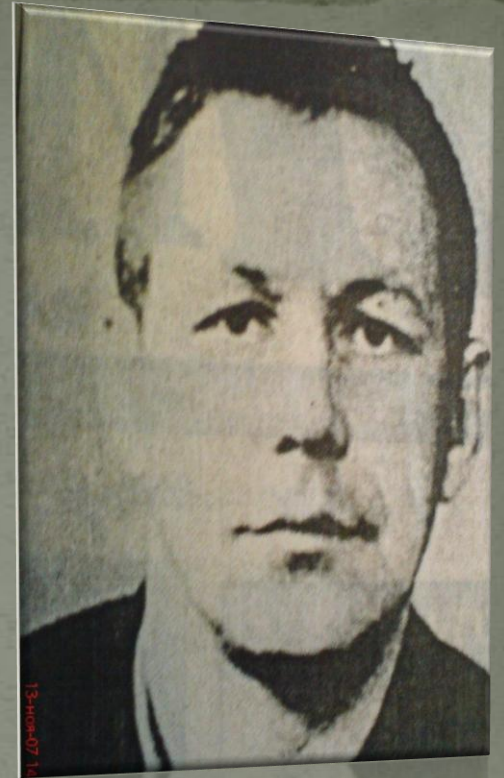

- Биография
- О Валентине Соколове
- Стихи разных лет

Биография

Валентин Петрович Соколов родился 24 августа 1927 года в городе Лихославле Калининской (ныне Тверской) области в очень религиозной семье служащих, где на улице Бежецкой ещё сохранился его родной дом за номером 18.

Отец Соколова происходил из тверских карел, был по специальности агрономом, но скромно трудился в каком-то городском учреждении. Мать работала буфетчицей на железнодорожной станции.

*Домик на холме, бескрайние дали,
голубое озеро. Внизу – церковь, свет
золотых куполов, который он ещё видел.
Биография начиналась обыкновенно:
октябрьское детство, пионерско-
комсомольская юность. Продолжение
последовало иное.*

*Писать стихи Соколов начал
очень рано. Отец однажды грозил ему:*

*- Смотри, Валя, брось писать
стихи, не к добру это, посадят тебя!*

ул. Бежецкая, д.18
В этом доме жил Соколов – Зэка
2007 г.

Учительницей Валентина, согласно молве, была Жина Мосифовна Панэ, внучатая племянница А.С. Пушкина (внучка О.С.Павлищевой), дочь профессора Варшавской консерватории Иосифа Панэ.

Скорее всего, именно её старания пробудили у юного Соколова сильную и искреннюю любовь к русской литературе с её свободолобием, жертвенной гражданственностью, пафосом сопротивления духовному гнёту, чего он при всём старании не мог отыскать вокруг себя: «У нас в душе над Лениным и Сталиным // Стоят Тургенев, Пушкин и Толстой...». Там, в школьных стенах, вопреки строжайшему идеологическому регламентированию мыслей и поступков родился подлинный бунтарь.

Средняя школа №7
2007 г.

После окончания школы №7, с сентября 1944 года В.Соколов учится в Москве, на подготовительном отделении института стали, здесь он знакомится с теми, кто тоже проявлял интерес к свободомыслию.

Из-за нелюбви к математике и провала выпускных экзаменов ему пришлось поменять студенческую аудиторию на солдатскую казарму. Единственным светлым воспоминанием сохранились в памяти первые стихотворные опыты и откровенные разговоры со свободомыслящими сокурсниками.

В 1946 году Валентин Петрович Соколов, ушёл в армию из г. Лихославля, в котором родился и вырос.

Соколов служил в 240-й гвардейской отдельной миномётной дивизии и продолжал писать стихи. Увы, армейская среда всегда недолюбливала творческих личностей, да и агентура МГБ отрабатывала свой хлеб и за страх, и за совесть. На очередном политзанятии у Соколова отобрали листок со стихами. Ретивое следствие ухватилось не только за эти стихи, но и докопалось до антисоветской деятельности бывшего студента в институте стали. И 21 октября 1948 года Военным трибуналом Московского гарнизона Валентин Соколов был осуждён по печально известной статье 58-10 и 58-11 (антисоветская агитация) УК РСФСР и приговорён к 10 годам исправительно-трудовых лагерей с поражением

в правах на 5 лет. Формулировка обвинения звучала зловеще: «Будучи студентом, разделял антисоветские взгляды... Находясь в Советской Армии, писал и хранил стихи антисоветского содержания, распространял среди военнослужащих». Все армейские стихи Соколова, в том числе изъятые позднее при обыске, после закрытия дела были за ненадобностью уничтожены.

Так начался крестный путь Валентина Соколова, или, как его называли, вечного зэка и короля поэтов ГУЛАГа, недаром избравшего себе псевдоним «Валентин Зэка». Его «бедная муза тряслась // За решёткой этапных вагонов», навсегда оставшись «склоненный под тяжестью зла // Изнуренной больной каторжанкой». Зона же стала и жизнью, и судьбой Соколова. Только он с потрясающе бесшабашным упоением мог воскликнуть:

«Ты душе глоток озона, // Здравствуй, зона!...», поскольку в другом, обыденном мире для поэта не существовало настоящей свободы: «В тюрьму попал за ненависть к порядку - // К порядку не дававшему мне жить...».

Первый срок Соколов отбывал в воркутинских лагерях. Здесь, в тоскливых бараках, Валентин Зэка переживает пору вдохновенных творческих поисков, выковывая на мощной наковальне традиции русской поэтической классики свой самобытный поэтический стиль. Под монотонный вой злых северных метелей он мысленно уносился в весенний родной Лихославль.

3 апреля 1956 года Валентин Соколов был освобождён. Он уезжает в Калинин и устраивается бетонщиком в мостостроительный отряд. После тяжёлого дневного труда, уже тогда начавшего отзываться болями в сердце, поэт вволю отдыхал душой. Вечерами он бродил по городским улицам, скверам и окраинам, пытаясь послелазерным взглядом познать цену наступающей хрущёвской «оттепели».

В Калининне Соколов создал свыше 50 стихотворений. В большинстве своём это были сочные бытовые зарисовки или городские пейзажи с обилием уличных подробностей. Многие стихи возникали прямо на ходу, о чём говорят обозначения их точных «мест рождения»: «Дорошиха», «Горсад», «Серебряковская пристань».

Далеко не все калининские стихи Соколова отличались созерцательной умиротворённостью. Повседневная работа бок о бок с такими же, как и он, трудягами («Мы люди - рабочее быдло») вновь подвигали поэта к социальным обобщениям, убийственным для идеологического благодушия советского режима

В Калининне за Соколовым, несомненно, следили, а человеком он был по натуре вспыльчивым. «Помесь ветра и огня» – такую характеристику дал поэт самому себе. Неудивительно, что однажды он был задержан и доставлен в Новопромышленный отдел милиции г.Калинина, где, как указывалось в протоколе, допускал «различные антисоветские высказывания». Местные чекисты поспешили завести на Соколова уголовное дело по всё той же 58-й статье, которое вскоре были вынуждены прекратить из-за противоречивости показаний милиционеров-свидетелей. Не дали

выгодных следствию показаний и товарищи Соколова по мостоотряду. Поэт отделался 5 сутками тюремного ареста.

Весной 1958 года Соколов по вербовке уезжает в г.Новошахтинск Ростовской области. Здесь он женится на Ксении Покачаловой, устраивается работать на шахту им. Горького. В Новошахтинске начался его второй лагерный круг. Несколько тетрадей со стихами дали следствию возможность изобличить поэта в том, что он «после осуждения в 1948 году...проводил среди населения контрреволюционную агитацию». Дело «шилось» белыми нитками, что подтолкнуло Соколова к ряду резких поступков. Он письменно заявляет прокурору о незаконности своего ареста, объявляет голодовку. Сказались и личные трагедии: в 1952 г. по неизвестной причине покончил с собой отец, два года лежала парализованной мать, у которой на нервной почве отнялись ноги.

Из Калининской больницы она шлёт письмо в УКГБ при СМ СССР по Ростовской области»Я не знаю, конечно, в чём провинился мой сын, но об одном прошу Вас, ради больной матери оставьте его на свободе. Я очень больна, не могу работать, чтобы добыть себе кусок хлеба. Вся надежда на него... Оставьте мне кормильца, очень прошу Вас...».

Мольбы больной матери и просьбы самого Соколова, так и не признавшего своей вины, определить ему меньшую меру наказания остались без последствий. 29 августа 1958 года судебная коллегия Ростовского областного суда на закрытом заседании приговорила поэта к 10 годам лишения свободы по статье 58-10 УК РСФСР. И это при минимально возможном наказании в 6 месяцев тюрьмы! Лишь 16 мая 1960 года этот приговор будет отменён, а дело прекращено за отсутствием в действиях В.Соколова

состава преступления.

Срок отбывал в Мордовии. Жена часто навещала его, говорила: «Еду к своему декабристу...».

Свобода, наступившая в мае 1968 года, длилась недолго. В 1970 году Валентин Зэка арестовывается в третий раз за то, что, заступаясь за рабочих, обругал начальство. Он получил год по статье 206 (хулиганство). «Больше ты у нас за «политика» не пройдёшь», - проболтался ему при аресте участковый. Подобное тогда часто практиковалось органами КГБ.

Новые 5 лет Соколов получил в 1972 году за столкновение с милицией. После отбытия срока в 1977 году поэт отказывается от советского гражданства и требует дать ему возможность покинуть

СССР. Прямо в лагере его судят по статье 190 УК РСФСР (распространение заведомо ложных измышлений, порочащих государственный и общественный строй) и этапируют (по другим источникам, бессудно) в специальную психиатрическую больницу г.Черняховска Калининградской области, используемую КГБ для своих нужд. И в течение последующих пяти лет Соколова попеременно возят из Черняховска в Новошахтинск и обратно. При этом его всячески унижают и наказывают по малейшему поводу. Отбирают бумагу, карандаши и книги. И неустанно «лечат», доводя до полного изнеможения сильнодействующими средствами, предназначенными для буйно помешанных.

Напичканный психотропными препаратами, Валентин Зэка продолжал творить. Он украсил свою поэзию прекрасным циклом

религиозных стихов, который позднее вошёл в его сборник под названием «Евангельского». Вера в Бога всегда была для Соколова непреходящей нравственной ценностью, которую он хранил в душе все десятилетия тяжелейших мытарств.

Несгибаемость Валентина Зэка поражала даже методично убивавших его врачей. Одна из них вспоминала: «Я была в отпуске, а когда вышла на работу, мне сказали: езжайте в городской морг. Боже мой! Там на столе лежал наш непокорный Валентин! Я даже ахнула...». Он умер от инфаркта прямо в курилке Новошахтинской психбольницы в символический день – 7 ноября 1982 года – и был похоронен на городском кладбище.

Валентин Соколов был последователен в своём неприятии

существовавшего режима («Твёрдо ведут нас Советы, // Твёрдо
ведут... в никуда»), но его нельзя считать патологическим
антисоветчиком. Сердце поэта переполняла любовь к России,
страстная и горькая. Он любил Родину, но ненавидел тоталитарное
государство с его показным энтузиазмом и отсутствием
свободомыслия.

Сегодня стихи и поэмы Валентина Зэка, сохранённые друзьями - солагерниками и извлечённые из недр архивов КГБ, окончательно пришли к читателю. Изданы три книги В.Соколова: «глоток озона» (1994), «тени на закате» (1999) и «Осколок неба» (1999). Все они сразу поражают наплывом философских откровений и утверждением чувства человеческого достоинства. Поэт выходит из узких рамок лагерной темы, в его стихах переплетены история, любовь, одиночество искателя истины: «Мне дойти до тех истоков, // Из которых брызжет синь. // Среди многих одиноких // Я подчеркнуто один». Немало строк Соколова приводят в восторг романтической утончённостью, изящным лиризмом, мастерством образного ряда, богатой игрой цвета и звука: «Золотая лампада луны, // Золотой ободок тишины...». Или: «На зелёной ладони

Листа// Неподвижно стоит высота...». Даже мрачный быт лагерей у Соколова поддаётся поэтизации: «Вдаль ведомые колонны, // Лай людской и лай собачий // И тоской тысячетонной // Небо в серых струях плача». Вся поэзия Соколова, как и его судьба, это поэзия контрастов, поэзия борьбы света и тьмы, борьбы за духовную самоценность человека.

О Валентине Соколове

Поистине легендарный поэт и политзаключённый Валентин Соколов, до смертного часа несший «в руке подъятой// Золотой огонь бунтарства», осушил отведённую ему чашу страданий до последней капли и тем обрёл самое справедливое на свете право – право на бессмертие

Бойников А., член Союза журналистов России.

Валентин Соколов – поэт не биографии, он поэт судьбы.
Даты, факты внешние перипетии формально заполняют всю
жизнь, но не определяют значения этой судьбы – как человеческой,
так и поэтической. Теперь трудно отделить правду от вымысла,
но то, что он рано проявился как личность протестующая, -
несомненно. Откуда это?

Мария Леонова

Имя Валентина Соколова, к сожалению, не так хорошо известно в нашем городе, как имя его однофамильца Владимира Соколова. И я совершенно согласна со своей ученицей Марией Леоновой, что в отношении этого поэта необходимо восстановить справедливость.

Зверева С., учитель средней школы №2.

Поэзия В.Соколова – поэзия из-за решёток. Прикасаясь к ней, помните о трагической судьбе поэта.

Его поэзия и сейчас – неугасшая путеводная звезда для всех, кто оказался там, где утром будит скрежет ржавого рельса, напоминая: вы – зэки.

Вл. Кузьмин

Какие верные и, как ни скорбно, вечные стихи. За эти правдивые слова и нынешние хамы противились три года изданию книги В. Зэки. «Рот поэта – эшафот», - говорил В. Соколов. В нашей сегодняшней жизни часто становится жаль, что поэт – не судья и даже не палач, а жертва...

Вл. Кузьмин

Несмотря на беспросветное существование, он сохранял в душе светлое, чистое и радостное отношение к жизни, ко всему тому, что должно быть у человека, когда его жизнь хотя бы терпима. Его дар в том, что он прозрел порчу фальшивого уклада. Непригодность к употреблению категорически и ни в каком виде – ни просвета свободы, ни вдоха полной грудью. Он безошибочно ощущал лживость, убогость и конечность существования той политической системы.

Алексей Позин

Стихи Соколова сейчас актуальны тем, что они – чистый глоток свободы для души. Даже в свободной стране можно оставаться внутренне несвободным, а поэзия Соколова раскрепощает, освобождает, и дело вовсе не в антисоветчине, а во внутреннем ощущении, в том, как он ценит настоящую личностную свободу, которая сквозит и в форме стиха, и в выборе тем, даже в словах. И ещё в страстной земной влюблённости в жизнь. Нет, не одержимым борцом он был, себя на тюрьму обрекающим (сам писал «Обвели меня чёрным ободом, а я не был ни Данко, ни Оводом...»), а был поэтом, как вспоминают друзья, прямодушно-стихийного и несколько богемно-безалаберного типа.

Надежда Волкова

*Валентин Соколов по праву будет стоять – да уже стоит!
– в череде гениев и страстотерпцев, ибо унаследовал самый дух и
пафос многострадальной истории человечества, украсив её своей
личностью и талантом.*

Александра Истогина

*Он был романтик по своей природе и порывам. Но эпоха
менее всего нуждалась в романтизме чистоты, честности,
человечности.*

Александра Истогина

Стихи разных лет

☆☆☆

Лагерь – крест огромного распятья,

И на нём в холодный посверк слёз

Взгромождён под хриплые проклятья

Человек – страдающий колосс.

И сегодня тем, кто хоть частицу

Совести и чести сохранил,

Очень часто боль слезит ресницы,

Очень часто не хватает сил...

11 шахта 1952 г.

☆☆☆

Спрессован день и брошен в штабель

Как много этих серых брёвен!

В стремительно скользящем свете

Купаются мои густые брови

Концами чёрными смыкаются –

Образовать волшебный круг...

1961 г.

☆☆☆

Звук уже написан

В воздухе красной каймой

К обновлённым высям

Нас ведёт конвой

Скоро крик твой станет бичом

Как ты зол и кровав

Все колючки забора

Тёплым сердцем вобрав!

1964 г.

☆☆☆

Кто не верит в силу лет –

Ни во что не верит

Время – след стопы Христа

В золотые двери

Время – крестный ход толпы

В золотые двери...

60-е годы

Валентин Соколов – Зэка

Текст и фотографии использованы из фондов Центральной библиотеки.

*Лихославльская межпоселенческая центральная библиотека
им. В. Соколова*

E-mail: biblioteka78@mail.ru

Составитель текста, редактор, набор текста:

Задорожная Н.Е. – зав. информационным отделом.